

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ*

Рассматриваются вопросы состояния и развития Дальневосточного региона России в условиях усиления процессов глобализации и регионализации, формирования геополитического региона «Северо-Восточная Азия»

Современный этап развития геополитических интересов России характеризуется кардинальной перегруппировкой сил и влияний и становлением многополярной системы международных отношений во всём Азиатско-Тихоокеанском регионе. Толчком к началу этих изменений стало окончание «холодной войны» и исчезновение с политической карты мира Советского Союза. Россия как правопреемница СССР перешла в разряд аутсайдеров. Она осталась «сверхдержавой» только в плане своего ракетно-ядерного потенциала. Однако в региональной дипломатии это малозначащий фактор. Сегодня Россия вследствие катастрофического уменьшения регионального геополитического потенциала не в состоянии обеспечить эффективную внешнюю политику. Она добровольно ушла из ряда своих традиционных зон присутствия, тем самым, лишившись рычагов влияния на геополитическую ситуацию в регионе. «Россия пока в большей мере выступает в роли объекта, субъекта мировой и региональной политики»².

Несмотря на то, что внутрисистемный кризис миновал, его разрушительное воздействие на социально-экономическую состояние российского Дальнего Востока ощущается до сих пор. Если оставить в стороне специфические проблемы сырьевого развития экономики, то наиболее болезненно проявляется демографическая ситуация. В результате высокой миграционной подвижности, население Дальнего Востока за период 1991-2007 гг. уменьшилось на 1570,2 тыс. чел., или 19,5 %, в том числе 213,7 тыс. чел. (13,6%) – естественная убыль и 1356,5 (86,4%) – миграционный отток. На начало 2008 г. на всём Дальнем Востоке проживало 6486,4 тыс. чел. Это меньше, чем было в регионе в 1976–1977 гг. Согласно

¹ Волынчук Андрей Борисович, доцент кафедры мировой экономики ВГУЭС, кандидат географических наук, i-abv@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3/4472.

² Цит. по Яковлев А. Международно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии и положение России в регионе // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 56.

оценкам, учитывающим прогноз ООН для всей России, Дальний Восток России в наибольшей степени, чем другие территории страны, пострадает от сокращения числа своих жителей за счет депопуляции и миграционного оттока. Демографическая кривая и сейчас продолжает путь вниз, и численность населения в регионе к 2026 г. может составить всего 5,9 млн чел.¹

Сокращение численности населения вызывает озабоченность не только с точки зрения экономической жизни региона – разрушение сложившегося трудового потенциала и нехватка трудовых ресурсов, но и с позиций геостратегических и геополитических последствий, т.к. формирует новые угрозы национальной безопасности России в Северо-Восточной Азии на фоне усиления позиций других государств.

С окончанием глобального противостояния существенно усилились позиции Японии, которая определила свою стратегическую цель – занять в регионе позицию геополитического лидера. Япония наравне с США является существенным фактором международно-политических отношений в Северо-Восточной Азии. Используя своё экономическое превосходство и экономическую зависимость остальных стран региона Япония пытается контролировать все политические процессы.

В решении этой задачи, помимо США, её главным конкурентом является Китай. Он переживает сейчас период стремительного перехода от статуса региональной державы к положению мировой сверхдержавы. Однако на этом пути у КНР немало трудностей внутригосударственного строительства: воссоединение с Гонконгом, объединение Тайванем, создание «китайского экономического пространства», охватывающего КНР, Тайвань, Гонконг, Сингапур и Макао².

Северо-Восточная Азия является перекрёстком, на котором скрестились геополитические интересы наиболее мощных держав современного мира. Традиционная «горячая» или «холодная» война вряд ли опять станет инструментом решения сверхзадач. В одну реку два раза не войти. Однако существующая конкуренция за лидирующие позиции в регионе формирует настороженность в межгосударственных отношениях и консервирует застарелые территориально-политические споры.

С другой стороны, усиливающиеся процессы глобализации и регионализации активизируют мощные экономические силы, направленные на интеграцию национальных финансовых, сырьевых, трудовых, транспортных потоков в единую трансграничную систему.

Что же в конечном итоге одержит верх? Останется ли столкновение геополитических интересов «камнем преткновения» в отношениях стран СВА, или тяга к «экономическому благу» позволит сформулировать общую цель? Скорее всего ни то, ни другое. На современном этапе разви-

¹ См.: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года. Стат. бюлл. ФСГС. – М., 2008. С. 11.

² См.: Саначёв И.Д., Шинковский М.Ю., Бурлаков В.А., Прохоров В.И. Военно-морская мощь как фактор геополитики в Азиатско-Тихоокеанском регионе – Владивосток: изд-во ДВГТУ, 2006. С. 151.

тия человеческая цивилизация формирует геоэкономическую версию геополитических интересов, при этом сохраняя их топологическую сущность – приоритет достижения национальных (государственных) целей. Действительно, трудно представить, что реализуя проекты трансграничного сотрудничества Япония, Республика Корея или Китай пожертвуют своими интересами в пользу России. Скорее они будут стремиться к максимальной степени реализации своих преимуществ. Как и обычная дружба не всякое сотрудничество является по определению обоюдовыгодным. Возможны побочные эффекты: неравномерное экономическое развитие, усугубление имеющихся структурных изъянов хозяйственной системы, снижение уровня экономической безопасности страны и др.

Остаётся множество нерешённых проблем. Однако от экономической интеграции странам Северо-Восточной Азии уйти не удастся. Какое же место в этом взаимодействии займёт Россия? Вопрос остаётся открытым.

Таким на сегодняшний день представляется место российского Дальнего Востока в Северо-Восточной Азии. Однако глобальные тенденции, концентрируясь в условиях конкретного региона вне зависимости от страны и места её расположения, привносят в региональное развитие свою специфику, то есть делают его глокальным¹. Первой формой, в которой реализуются создающие специфику тенденции, следует признать трансграничное сотрудничество, которое может принимать различные формы, связанные со ступенями эволюционной зрелости политической организации². Первая, простейшая форма такого сотрудничества – локальные приграничные контакты. Вторая – это взаимодействие между территориальными политическими образованиями, например нациями-государствами и/или административно-территориальными единицами отдельных государств. Наконец, третья, сетевая форма трансграничного сотрудничества формируется только в условиях глобализации и благодаря ей. Она предполагает взаимодействие между акторами различных уровней при опоре на узлы ячеистой сети глобальных взаимодействий, минуя территориальные размежевания, и проявляется в образовании регионов особого типа. Топологическим свойством такого региона является его трансграничность. Другими словами, возникаемые территориально-политические, социокультурные, экономические и другие пространственные структуры могут пересекаться государственными границами (на практике так чаще всего и происходит), но всё-таки при сохранении общей тенденции к «стягиванию» пространства. Целостность и единство подобного рода территориальных образований, т.е. их трансграничность

¹ Шинковский, М.Ю., Шведов, В.Г., Волинчук, А.Б., Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа): монография – Владивосток: Дальнаука, 2007.

² Используемая трактовка зрелости политической организации основана на концепции хронополитики, разработанной М.В. Ильиным. См. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. – М. 1995.

обеспечивается наличием целого факторного ряда, который способствует взаимосвязанному функционированию региона.

Для исследования существа рассматриваемой проблемы чрезвычайно важным является понятие «трансграничный регион». Обычно под ним подразумевается достаточно обширное пространство, обладающее определённым культурно-историческим единством (общность политической и культурной истории, сходство культурных ландшафтов, экономическое взаимодействие), и в то же время концентрирующая максимально возможное число переходных зон (культурных, политических, социально-экономических). Подобные образования Р. Скалапино называл «естественными экономическими территориями»¹. В настоящее время процессы, ведущие к их образованию, чаще всего и наиболее адекватно называют процессами глокализации, результатами которых является появление трансграничных регионов. В этом случае следует признать, что российский Дальний Восток ещё не стал частью такого образования в Северной Пацифике вообще, в Северо-Восточной Азии в частности. Другими словами, трансграничное сотрудничество, в которое он стал втягиваться с последнего десятилетия XX века, может и должно создать условия для создания российского сегмента трансграничного региона в Северо-Восточной Азии, но процесс этот находится ещё в самом своём начале.

Рассмотрим факторы, которые в данной связи представляются наиболее важными.

Из них приоритет должен быть отдан **физико-географическому фактору**, который «предоставляет» естественную основу для формирования трансграничного района. Таковой является какой-либо крупный целостный, хорошо очерченный природный объект (к примеру – бассейн реки, обширное нагорье, приморская область и т.д.). Впоследствии он становится местом проявления различных форм «рассекающей» деятельности людских сообществ.

Все остальные факторы связаны с особенностями функционирования человеческого общества, выступающего как одна из важнейших сил организации пространства.

С одной стороны, подобного рода деятельность служит причиной межгосударственных разделов районообразующих природных объектов. С другой – содержит в себе те силы, которые содействуют сохранению конструктивного единства вмещающей территории. Тем самым они способствуют её развитию в качестве трансграничного региона. Из них первоочередному рассмотрению, подлежат:

- **фактор природопользования**. Его скрепляющая роль состоит в том, что в пределах данной территории изначально складывается определённый, детерминируемый местным сочетанием природных условий и ресурсов комплекс хозяйствования. В дальнейшем он может преемст-

¹ См. Scalapino Robert A. The United States and Asia: Future Prospects. – «Foreign Affairs». Winter, 1991/1992. – Pp. 19, 40.

венно видоизменяться, надстраиваться. Но полностью за пределы первичных естественно-разрешающих условий эти трансформации выходят достаточно редко. При этом факт разделения такой территории межгосударственным рубежом влияет на разные её сектора лишь в более или менее заметных деталях. Зато несомненной остаётся общность проблем освоения, оптимизации использования природных ресурсов, преодоления возникающих в результате антропогенной деятельности экологической напряженности;

- **демографический фактор.** Он обусловлен тенденцией к выравниванию населенческого потенциала по обе стороны межгосударственного рубежа в пределах единой районообразующей территории. При этом в виду имеется не экзогенная (внерайонного происхождения), а внутритерриториальная трансграничная миграция. Иными словами, население с той или иной скоростью «перетекает» через межгосударственный рубеж из сектора своей избыточности в сектор своей недостаточности. Препятствовать этому процессу могут лишь два обстоятельства. Одно из них объективно, и связано с ресурсной скудностью демодефицитного сектора трансграничного района. Другой, скорее, субъективен, так как связан с конъюнктурой межгосударственных отношений;

- **этнокультурный фактор.** Состоит в перманентно протекающем обмене элементами культурных традиций и лингвистическими заимствованиями между разделёнными государственной границей этнически разнородными или однородными социумами. Такая взаимоинфильтрация априори протекает интенсивнее на той территории, где трансрубежно соседствующие социумы объединены необходимостью адаптации к условиям окружающей их естественной среды, решением сходных освоенческих и экологических проблем;

- **фактор региональной политики.** Его суть заключается в существовании по обе стороны границы схожих целей общественного развития. Это, в свою очередь, должно привести к осознанию необходимости формирования совместного механизма по достижению общественно значимых целей, выработки коллективной стратегии развития трансграничного района, которая способна в значительной степени сглаживать накопившиеся трансграничные различия и проблемы.

Приведённый здесь состав факторного ряда предварителен и не исчерпывает всех действенных сторон геополитического подхода.

Трансграничное региональное сотрудничество является одним из перспективных направлений международной интеграции. Подключение к нему российских регионов стало возможным благодаря применению принципов федерализма, децентрализации власти и приватизации экономики в постсоветской России. При этом такое подключение имело и имеет свою специфику в разных частях страны. Если на северо-западе накоплен некоторый опыт «дозированных» трансграничных контактов, то на востоке он практически отсутствовал, за исключением весьма скромной по объёму

прибрежной торговли с Японией и ритуальных по своему характеру, детально контролируемых с обеих сторон «мероприятий» с КНДР.

Нынешнее трансграничное сотрудничество дальневосточных субъектов Российской Федерации с регионами-соседями представляет собой эффективный способ преодоления многих политических завалов и тупиков, оставшихся после холодной войны, снижения уровня недоверия к нашей стране и недооценки её роли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ценность такого сотрудничества велика ещё и потому, что окончание холодной войны и заметное потепление отношений России с её дальневосточными соседями отнюдь не устранили все противоречия в регионе. Среди последних, в частности, следует упомянуть вопрос о государственной принадлежности Южных Курил, а также проблемы объединения Корейского полуострова и ядерного потенциала КНДР. Возникают и новые потенциально конфликтные ситуации. Так определённые сложности уже принёс процесс реализации проекта, связанного со строительством нефтепровода «Ангарск – Находка» или, как его всё больше называют в последнее время, системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО). Стремление России к диверсификации своего экспорта углеводородного сырья одно время серьёзно обременяло поступательному процессу развития российско-китайских отношений. Эксперты лондонского Королевского института международных отношений высказывали предположения об угрозе возникновения самого острого кризиса в отношениях с Китаем после развала Советского Союза и о проблеме «политического доверия» между Пекином и Москвой¹. Ситуацию удалось разрешить 2-этапной схемой строительства ВСТО, которая нашла своё закрепление в приказе министра промышленности и энергетики Российской Федерации В. Христенко от 26 апреля 2005 года. В соответствии с ним первая очередь трубопровода пропускной способностью до 30 миллионов тонн нефти в год до города Сковородино в Амурской области будет построена до ноября 2008 года. Далее маршрут этого сырья будет направлен в Китай. К 2020 году вся система «Восточная Сибирь – Тихий океан» выйдет на проектную мощность с прокачкой до 50 миллионов тонн нефти в год до берега Тихого океана².

Трансграничные связи российского Дальнего Востока охватывают все основные сферы его жизнедеятельности. При этом ключевую роль в региональном сотрудничестве, что, собственно говоря, и создает сущностную основу феномена «глокализации», играют торгово-экономические связи, ибо их легче всего наладить между сопредельными и прилегающими к ним внутренними частями различных стран.

Естественным фундаментом трансграничного сотрудничества являются исторические традиции, опыт взаимодействия в прошлом. В Севе-

¹ «Независимая газета». 2004. 13 июля.

² Ершов Ю. Нефть и газ Сибири и Дальнего Востока в контексте российско-китайских отношений // Азия и Африка сегодня. 2006. № 6. С. 3.

ро-Восточной Азии как части Северной Пацифики и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом, куда собственно и входит российский Дальний Восток, этот опыт носит своеобразный характер.

Как известно, русские появились в рассматриваемом регионе в XVII веке, но политическое и культурное влияние нашей страны оставалось там весьма ограниченным вследствие явной недостаточности ресурсов, направлявшихся на освоение нового края. При этом следует заметить, что Северо-Восточная Азия имеет гораздо меньшую культурную и цивилизационную историю, чем АТР в целом. В течение длительного времени она не выделялась в качестве самостоятельного трансграничного географического образа¹. Политически данный регион воспринимался, а отчасти воспринимается и сейчас, как дальняя периферия великой полуазиатской державы, как символ большого этнографического и природного разнообразия и богатства.

Завершение строительства Транссибирской магистрали в начале XX века существенно изменило ситуацию. Получив такую несущую «конструкцию», страна перестала распадаться на европейскую и азиатскую половины, и по мере развития российского Дальнего Востока новообретённое единство усиливалось. При этом в условиях царской империи регион рассматривался как колония, а в советские времена – как резервная промышленная база и одновременно как крепость и плацдарм для продвижения в Азию. Для достижения поставленных целей центральная власть прибегла к затратной мобилизационной модели развития, основанной на использовании несвободного труда многих сотен тысяч людей, требуя полного и слепого подчинения своим директивам. Подобная политика привела к фактической изоляции региона от своих соседей, обусловив многие особенности его экономики, социальной структуры и менталитета населения. Всё это с неизбежностью следует учитывать при изучении и будущем планировании векторов развития процессов реальной глокализации.

Нелишним выглядит напоминание о реальных результатах, с которыми советский Дальний Восток пришёл ко времени распада СССР. На огромной территории нынешнего Дальневосточного Федерального округа (он только с севера на юг протянулся на 4500 км и включает в себя одну республику, два края пять областей и два автономных округа) в 1990 году было произведено лишь 0,7% того, что произвели страны тихоокеанского бассейна, в 30 раз меньше того, что было произведено в Японии, в 12 раз меньше того, что дала экономика пяти тихоокеанских штатов США. За прошедшие с тех пор годы ситуация лишь обострилась. В этой связи вряд ли стоит удивляться зарубежным прогнозам, не учиты-

¹ См.: Замятин Д.Н. АТР и северо-восток России: проблемы формирования географических образов трансграничных регионов в XXI в. – Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2004. № 1; Шведов В.Г. Историческая политическая география: обзор становления, теоретические основы, практика. – Владивосток, Дальнаука. 2006. Гл. 4–7.

вающим тихоокеанскую составляющую России: при расчётах крупных чисел малыми величинами можно пренебречь. Отечественный Дальний Восток продолжают высокомерно называть «задворками России» на Тихом Океане, где русские, как и в XVII веке, представлены промысловыми и лесозаготовительными факториями, а также рудниками¹.

Описанное положение вещей по большей степени можно объяснить природными обстоятельствами. Как известно, геополитическую связь дальневосточных территорий с основными пространствами евразийской России затрудняют бассейновые разграничения и, прежде всего, мировой водораздел. Зонально-климатические особенности региона позволяют выделить достаточно однородный комплекс Маньчжурии (Северо-восточный Китай), Приамурья, Приморья и Кореи. Он отличается как от российских Северо-Восточной Азии и Восточной Сибири, так и от Китайской Восточной Азии. Нетрудно заметить, что поселенческая структура этих пространств находится в существенной зависимости от их зонально-климатических особенностей. Всё это создаёт крайне противоречивую ситуацию «несоответствия» административно-политических границ геополитическим, наложения друг на друга разных геополитических зон. Подобное положение вещей, с одной стороны, создает потенциал соперничества между государствами региона, но с другой – при определённых условиях способна стать фактором сотрудничества этих же государств, но в формате их приграничных регионов², то есть базой для формирования глокальных и их реальных политических практик.

Противоречивость геополитических членений Северо-Восточной Азии вкупе с установкой российского Дальнего Востока на приоритетную связь с «коренной» Россией затрудняет процесс самоидентификации его жителей. Социально-экономическое и политическое развитие там всегда проходило, а во многом проходит и сейчас, в таких формах, что вело к распаду региона на несколько «территориальных фрагментов»³. В результате в современных условиях мы не можем говорить о российском Дальнем Востоке, как о едином политическом регионе. Наличие формальных структур одноимённого федерального округа мало, что меняет с сущностной точки зрения.

Структура политической организации на российском Дальнем Востоке, как и во всей Российской Федерации, обуславливается географическими, зональными, климатическими различиями, однако в наибольшей мере является производной от демографических и экономических фак-

¹ В этой связи очень интересная и беспощадная для многих россиян точка зрения представлена в работе: Хилл Фиона, Гэдди Клиффорд. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. – М., 2007.

² См.: Ильин М.В. Российский Дальний Восток в геополитической системе координат Азиатско-Тихоокеанского региона / Россия и Корея в меняющемся мире. – М., 1997.

³ Каганский В.Л. Регионы в несоветском пространстве / Российские регионы в новых экономических условиях. – М., 1996.

торов. Структурообразующим же стержнем здесь выступает ось «центр – регионы», для которой в нашей стране характерна явная асимметрия¹.

Ключевой политической целью становления, развития и совершенствования трансграничной региональной деятельности на российском Дальнем Востоке является создание единого пространства с экономиками сопредельных регионов стран Северо-Восточной Азии. «Встроенность» в подобное пространство способна обеспечить эффективное распределение имеющихся ресурсов и использование их для структурных преобразований в экономике, выхода на траекторию устойчивого хозяйственного роста и повышения уровня жизни населения, что, безусловно, сделает жизнь в регионе более привлекательной для россиян. Кроме того, данный вектор движения приведёт к усилению политической стабильности и геополитической сбалансированности в регионе.

Скорее всего, для таких предположений существуют объективные основания, развитие трансграничного регионального сотрудничества на Дальнем Востоке как части Северной Пацифики в обозримом будущем будет определяться отдельными прорывами России в двусторонних и многосторонних экономических и политических отношениях. При этом в ходе такого развития придётся решать проблемы, далеко выходящие за рамки указанных отношений. Так в Юго-Восточной Азии интегрирующим фактором уже стали неформальные сети, где ключевую роль играют этнические китайцы, их внутренние иерархизированные связи и капиталы. Чем и кем можно было бы заменить этот фактор в Северо-Восточной Азии вообще, на Дальнем Востоке России в частности? Насколько реальна подобная замена? Насколько она возможна и, самое главное, насколько необходима?

Ответы на эти и, возможно, иные подобные вопросы ещё предстоит найти и сформулировать. Сейчас же лишь заметим, что, несмотря на всё евразийство России, у простых граждан и политических элит стран Азии сохраняется представление о её культурной отчуждённости. Что же касается российского общественного мнения, то оно ориентировано в целом на Европу. Существование в рамках европейского культурно-политического пространства для него намного ценнее в каком-либо аналогичном сообществе в Азии. Реально иные экономические и культурно-политические ориентации, складывающиеся у россиян, живущих на Дальнем Востоке, в расчёт не принимаются. Между тем, именно такие ориентации могут способствовать размыванию границ, ещё до недавнего времени открыто враждебных, и разломов между культурами, а тем самым – формированию предпосылок для сотрудничества их носителей.

Таким образом, Россия ни в коем случае не должна изолироваться от евразийского геополитического пространства. Она должна сохранить и упрочить в нём своё политическое, культурное и экономическое присут-

¹ Пастухов В.Б. Российский федерализм: политическая и правовая практика // Общественные науки и современность. 2003. № 3.

ствии. Вместо обращения «вовнутрь» в целях разрешения сугубо домашних проблем, прогрессивной и смотрящей в будущее части российской политической и интеллектуальной элиты следует рассматривать эти проблемы как неразрывно связанные с более широкими вопросами политической, геополитической и экономической организации российского, постсоветского и в целом мирового пространства. Необходимо осознать очевидность следующего утверждения: «большинство внутренних проблем России и конфликтов на её периферии являются геополитическими по своей природе и, следовательно, могут быть решены только на основе объединяющего геополитического видения и стратегии, а не индивидуально по мере их накопления»¹.

Глокализационные процессы уже привели к формированию геополитического региона «Северо-Восточная Азия», главным существом которого являются нарастающие количественно и качественно проявления трансграничного сотрудничества. Есть ли у России ещё время для того чтобы стать его полноправным и эффективным сегментом? Вопрос всё ещё остаётся открытым.

¹ Цыганков А.П. Что для нас Евразия? Пять стратегий российского освоения пространства после распада СССР // Вопросы философии. 2003. № 10.